

**СМЕРТЬ АВТОРА ДИПЛОМНОЙ РАБОТЫ
(РЕЦ. НА: ДАВИДОВ А., АБРАМОВ П. ЭТНОГРАФИЯ ТУФТЫ.
КТО И КАК ПИШЕТ ЗАКАЗНЫЕ УЧЕБНЫЕ РАБОТЫ В РОССИИ.
МОСКВА: COMMON PLACE, 2021. 176 С.)**

И.А. Кучерова

Ирина Алексеевна Кучерова | <https://orcid.org/0000-0002-7246-6155> | ikucherova@gmail.com | младший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Рецензия написана в рамках плана НИР ИЭА РАН

Исследование Александра Давыдова и Павла Абрамова выбивается из ряда других этнографических работ благодаря удачной и злободневной теме: авторы изучают феномен написания заказных учебных текстов. Насколько можно судить, это первая книга такого рода в России – несмотря на то что проблема покупок ВКР в нашей стране стоит особенно остро¹. Еще одна важная особенность “Этнографии туфты” заключается в том, что авторы сами участвуют в этом бизнесе (этот факт, что примечательно, указан на обложке в “продающем” тексте) и хорошо знают его изнутри. Книга написана на полевом материале: благодаря своим связям А. Давыдову и П. Абрамову удалось взять три десятка интервью с людьми, пишущими курсовые и дипломы на заказ, и привести точки зрения посредников, работающих в этой сфере, преподавателей и нескольких студентов; в качестве дополнительных источников использовались тематические форумы и

Рецензия поступила 11.02.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 14.02.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кучерова И.А. Смерть автора дипломной работы (рец. на: Давыдов А., Абрамов П. Этнография туфты. Кто и как пишет заказные учебные работы в России. М.: Common Place, 2021) // Этнографическое обозрение. 2023. № 2. С. 232–237. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020136> EDN: SAOZVT

Kucherova, I.A. 2023. Smert' avtora diplomnoi raboty [The Death of the Author of the Term Paper]: A Review of Etnografiia tufty. Kto i kak pishet zakaznye uchebnye raboty v Rossii [Ethnography of Baloney: Who, and How, Ghostwrites Academic Papers in Russia], by A. Davydov and P. Abramov. Etnograficheskoe obozrenie, 2023, no. 2, pp. 232–237. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020136> EDN: SAOZVT

обсуждения в соцсетях. Обширные яркие цитаты из рассказов информантов – большое достоинство обсуждаемого исследования.

Собранный материал авторы распределили по пяти главам разного объема: “Скрипторы” (общая типология скрипторов, их режимы работы, описание мотиваций, вхождения в “профессию” и причин ухода), “Скрипторы и вузы” (взаимодействие с вузами, студентами и преподавателями), “Формы организации скриптуры” (различные способы организации совместной работы скрипторов, роль посредников), “Портфель заказов” (работа с клиентами, организация процесса и “экономика” скриптуры) и “Вопросы производства” (оформление текста, баланс уникальности и фальсификации, продуктивность скриптора), к которым добавлены авторское предисловие, вводная часть “Структура книги”, короткое заключение и приложение с описанием выборки. Все главы делятся на две части: “Личный опыт” и “Интервью”.

Центральное понятие книги – “скрипторы” – позаимствовано А. Давыдовым и П. Абрамовым из эссе Р. Барта “Смерть автора” и используется ими для обозначения людей, пишущих работы на заказ. Скрипторы перерабатывают чужие тексты, создавая условно новые, авторами которых в полном смысле этого слова они не являются. Эти люди различаются по формам (само)организации и занятости, мотивации, специализациям и отношению к заказчику, но всех их объединяет одно: они зарабатывают на проблемах современного высшего образования, генерируя поток фальсифицированных текстов, который заполняет разрыв между формальными требованиями вуза и реальными возможностями студента. При этом, несмотря на напрашивающиеся аналогии с “Бредовой работой” Д. Гребера, для большинства скрипторов их деятельность вполне осмысленна: помимо финансовой выгоды это и помощь “недоученным” или работающим студентам, и своего рода способ самосовершенствования.

Казалось бы, книга имеет все необходимое для того, чтобы стать научным бестселлером: яркая и крайне актуальная тема, акцент на “поле”, многолетнее “включенное наблюдение”, автоэтнография и живые голоса скрипторов, попытка представить рассматриваемый феномен с разных точек зрения. Однако, несмотря на эти достоинства, конечный результат читается тяжело: интересные фрагменты интервью оттягивают на себя внимание и авторский текст на их фоне смотрится бледновато прежде всего из-за проблем со структурой работы.

Возникает ощущение, что авторы не вполне определились, для чего или для кого предназначалась их книга. Для “научпопа” текст суховат, значительная его часть написана в нейтральном научно-канцелярском стиле, изредка проскальзывают более “неформальные” фрагменты. В то же время профессиональных антропологов и социологов удивит почти полное отсутствие теории, гипотез и методологии – собственно того, что составляет научное исследование. Несмотря на заверения авторов, тема заказных учебных текстов не является уникальной – соответствующие работы есть как за рубежом, так и в России; помимо магистерской диссертации Р.К. Рюткёнен о заказных дипломах и курсовых (Rytkönen 2016), которую вначале упоминают авторы (нигде далее на нее не ссылаясь), есть и статьи о заказных диссертациях, например, обширный текст Т.Р. Калимуллина в двух частях (Калимуллин 2005, 2006), основанный на интервью с “райтерами” и другими участниками этого процесса.

Стоит отметить, что “Этнография туфты” ближе к социологии профессии, чем к этнографии или антропологии: авторов интересует не столько (суб)культура скрипторства, личности скрипторов, их “профессиональная” идентичность или уникальный опыт, сколько общее описание организации процессов скриптуры, фальсификации текста и взаимодействия скрипторов с вузами и клиентами – об этом говорит и стремление создать репрезентативную выборку

ку. Характерно, что читатель так и не узнает, как скрипторы называют себя сами, ведь в книге для их идентификации используется придуманный Р. Бартом “внешний” термин (см. напр.: *Безуглый* 2021).

Даже для “этнографии”, как позиционируется работа, требуется теоретическая рамка – иначе исследование превращается в описание и первичную классификацию полученного материала, как и происходит в данном случае. А. Давыдов и П. Абрамов и сами осознают это. В предисловии они заявляют, что

стремились избавиться от шаблонов создания наукообразных текстов: мы пожертвовали наукообразностью текста в пользу его научности. Однако жертва оказалась ощутимой. При окончательном сведении материала мы обнаружили, что в тексте затрагиваются темы <...> однако привлечение внешнего теоретического материала противоречило задачам нашего исследования, и мы не стали к нему обращаться. Та степень научности, которой, надеемся, нам удалось добиться, достигнута ценой теоретической бедности книги (с. 9).

К сожалению, для читателя (по крайней мере “академического”) непонятно, ради чего авторы пошли на эту жертву – ведь сам по себе теоретический контекст не делает работу “наукообразной”, так же как публикация собранных материалов не означает их автоматической “научности”.

Поскольку задачи исследования нигде не названы напрямую, остается лишь гадать, почему, по мнению авторов, отсутствие теоретического подхода обратно пропорционально “степени научности” книги. В результате авторы так и остаются “в поле”, не отходя от него на достаточное для анализа расстояние, а краткое, чуть больше страницы, заключение смотрится инородным: в нем внезапно вводится теория сословного общества С. Кордонского – скриптура предстает способом заработать на получении студентами необходимого сословного статуса, после чего скриптор “покидает промысел и встраивается в титульное и нетитульное сословие” (с. 167) – и язык этой теории резко контрастирует с предыдущим текстом.

Однако, пожалуй, самой большой проблемой книги становится ее недостаточная структурированность. Как говорилось выше, каждая глава делится на две части, и, по задумке, читатель может выбирать, интересуется ли его “рабочая автоэтнография” или “фактура” с многочисленными цитатами. Сама по себе идея интересна, но ее реализация оказалась не вполне удачной: получилось, что в каждой главе личный опыт противопоставляется интервью, но цель такого противопоставления непонятна. Иногда интервью нет вообще, например в разделе, посвященном разрешению конфликтов, и у читателя возникает вопрос: почему? Авторам не удалось собрать нужный материал? Для чего понадобилось это противопоставление, если оно никак не анализируется, а цитаты из интервью выступают либо в качестве иллюстраций, либо как продолжение начатых в части о “личном опыте” мыслей? Сами главы оказались построены по разным принципам, сильно отличаются по объему и содержат большое количество повторов. По несколько раз повторяются идеи, классификации, есть почти дословные повторы фраз и даже цитат (напр., из интервью с Ноемином на с. 19 и 28).

Нередко авторы помещают в раздел “Интервью” все, что имеет хоть какое-то отношение (а порой и вовсе не имеет) к тематике главы. Яркий пример – раздел “Профессиональные компетенции скрипторов” (гл. 1), где в иллюстрирующих текст цитатах и сопровождающих комментариях речь идет не о компетенциях, а о том, какую пользу (помимо заработка) люди извлекают из занятий скриптурой. При этом фрагменты интервью, перемежающиеся авторскими ремарками, складываются в список в духе Х.Л. Борхеса. Так, читатель узнает, что немате-

риальные выгоды скриптуры заключаются в следующем: в развитии познавательных (способность к обучению) и деловых (организационных и “торговых”) навыков; в пользе для обычной жизни (помощь детям с домашним заданием и пр.); в удовольствии от умственной работы (и неудовольствии от того, что она будет приписана другому); в том, что респондент осознает, что он выгорел, благодаря своей работе скриптором и написанию текстов по психологии; в умении находить информацию и ориентироваться в ней; в закреплении знаний и повышении успеваемости студентов-скрипторов; в “получении реального образования”; в овладении профессиональным знанием и в способности применять его вне скриптуры; в возможности для преподавателя лучше строить процесс обучения; в оттачивании профессиональных навыков в технических дисциплинах; в том, что опыт в скриптуре позволяет лучше заниматься скриптурой; в возможности для ученого “набить руку”, освоить навыки и методы научной работы; в развитии скриптора в нужной области знаний через отбор соответствующих заказов; в том, что скриптура может быть способом самодисциплины; в развитии социальных навыков через общение с клиентами и коллегами (с. 55–63).

Не всегда понятна логика авторов. Так, в главе 3 подробно рассказывается про артель, но определения артели не дается; неясно, чем она отличается от других форм организации, характерны ли описываемые особенности только для артели или их можно отнести и к “конторе”, бирже и т.п. Термины и сокращения употребляются беспорядочно: “ВКР”, “рефконтора”, “биржа”, “гострайтинг” и пр. всплывают в тексте раньше, чем расшифровываются или объясняются (а иногда не объясняются в принципе).

Много вопросов возникает и по методологии. К сожалению, она никак не описывается. Во-первых, для читателя остается загадкой, как работают сами А. Давыдов и П. Абрамов, опыт которых положен в основу книги. Раздел “Личный опыт” содержит не столько автоэтнографию (по крайней мере в ее традиционном понимании), сколько краткое описание рассматриваемого в главе и различные типы классификаций, разработанные авторами. Собственно, все, что читатель узнает о А. Давыдове и П. Абрамове – то, что они и сами вовлечены в этот бизнес. Но как давно авторы занимаются написанием дипломов и курсовых? Преподают ли в вузе? Пишут сами или предпочитают роль посредника? По некоторым оговоркам и примерам можно предположить, что они являются владельцами “конторы” и от собственно скриптуры перешли к посредничеству, но об этом нигде не сказано напрямую.

Во-вторых, авторы обходят стороной вопрос сбора материала. Читателю выдается только предельно обобщенная информация: использовались интервью и обсуждения на тематических сайтах и в Фейсбуке*. Каким образом были взяты интервью: вживую, через посредников, через *Zoom* или *WhatsApp*? Или респонденты отвечали на вопросы письменно по электронной почте? Было ли интервью структурированным, имелся ли общий список вопросов (и если имелся, то почему он не приведен)? Каким образом (в реальности, а не по предварительному плану) велся поиск информантов? Кроме того, на с. 92–93 неожиданно появляются цитаты из “неформальной беседы” (так жанр обозначен самими авторами) с некой Орфой, данные которой не указаны – читателю остается лишь догадываться, чем беседа отличается от интервью и какая из трех респонденток с этим именем имеется в виду... или это их четвертая тезка?

*21 марта 2022 г. российский суд признал компанию Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ, включая принадлежащую ей соцсеть Facebook.

В-третьих, как уже упоминалось выше, последние несколько страниц книги посвящены характеристике выборки – и эта часть тоже наводит на размышления. Так, в начале раздела авторы несколько лукавят, рассказывая о предварительном плане исследования: они собирались опросить 30-40 скрипторов, работающих не менее двух лет, 15 преподавателей, имеющих опыт научного руководства не менее трех лет, и 10-200 (непонятно, почему такой разброс; возможно, опечатка?) студентов. Из дальнейшего текста можно понять, что в реальности было проинтервьюировано 34 скриптора, три преподавателя (как пишут авторы, “эмпирику... удалось собрать через обсуждения в группе научных работников и преподавателей” в соцсетях [с. 171] – правда, в этом случае непонятно, как была решена проблема стажа руководства), а про студентов авторы умалчивают – видимо, эта часть плана исчезла из итогового исследования. Далее в тексте приводится статистика по опрошенным скрипторам, с которой возникают проблемы: цифры не соответствуют друг другу. Общая численность респондентов, если исходить из того, что было проинтервьюировано 16 женщин и 18 мужчин, должна составить 34 человека, однако приведенное количество информантов по городам равно 33, а цитаты в тексте книги приводятся из интервью как минимум (на с. 100 есть обширная цитата без указания источника) с 38 людьми. В приложении указано, что опрошенным было от 19 до 50 лет, реальные цифры – от 20 до 47. Также стоит отметить, что по выдержкам из интервью скрипторов невозможно отличить от преподавателей; судя по всему, опрошенные научные руководители также занимаются скриптурой.

В приведении данных своих информантов авторы не всегда последовательны. Как правило, указывается псевдоним, возраст, приблизительный регион (за исключением четко обозначенных Москвы и Подмосковья), образование и семейное положение (женат/замужем, не женат/не замужем, в гражданском браке или в фактическом браке – последнее различие остается не вполне понятным) – и если образование и регион выглядят вполне логичными, то необходимость семейного положения остается загадкой, тем более что из данных не следует никаких выводов.

Наконец, шутка с именами из Ветхого Завета и “Властелина колец” не слишком удачна, поскольку авторы не придерживаются этой стратегии последовательно: конечно, Елпифидора или Елимелеха, не говоря уже об Углуке, трудно встретить в реальной жизни, а вот такие имена, как Шамиль, Альфия или Рувим, создают ощущение, что написанием заказных работ в России по какой-то причине занимаются представители этнических меньшинств – читателю все время приходится сознательно корректировать свое восприятие, напоминая себе, что это псевдонимы (или все же остатки незашифрованных имен?). К тому же некоторые имена повторяются (напр., Орфа встречается три раза, Агава – дважды, при этом, судя по указанным личным данным, под одним и тем же именем фигурируют разные информанты), некоторые же слишком похожи и этим запутывают читателя (напр., Агава и Ахава, Ноема, Ноеминь и Нумина).

Таким образом, книга, к сожалению, производит двойственное впечатление. С одной стороны, авторам удалось собрать интересный и довольно редкий материал на актуальную тему, подметить любопытные моменты и довольно подробно описать скриптуру как (полу)профессиональное занятие. С другой стороны, текст трудно читается из-за слабой структурированности, почти полного отсутствия теоретической рамки и некоторых методологических проблем; к тому же, как уже говорилось, его отнесение к этнографии достаточно условно. Хотелось бы предложить авторам выпустить второе, расширенное издание, доработав его так, чтобы достоинства книги были представлены максимально ярко.

Примечания

¹ По оценке авторов (с. 7), написанием ВКР на заказ занимаются от 35 000 до 80 000 человек; в той или иной форме этой деятельностью занимались сотни тысяч людей.

Источники и материалы

Безуглый 2021 – Безуглый А. Не всякая туфта – этнография // Refcom-INFO. 19.12.2021. <https://refcom.info/articles/etnografia-tufty>

Научная литература

Rytkönen R.K. Term Papers and Dissertations for Sale! Valuing Action and Relations in Russian Higher Education. PhD diss. Abstract, University of Helsinki, Helsinki, 2016.

Калимуллин Т.Р. Российский рынок диссертационных услуг (начало) // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 4. С. 14–38.

Калимуллин Т.Р. Российский рынок диссертационных услуг (окончание) // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 1. С. 14–37.

Book Review

Kucheroва, I.A. The Death of the Author of the Term Paper [Smert' avtora diplomnoi raboty]: A Review of *Etnografiia tufty. Kto i kak pishet zakaznye uchebnye raboty v Rossii* [Ethnography of Baloney: Who, and How, Ghostwrites Academic Papers in Russia], by A. Davydov and P. Abramov. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 2, pp. 232–237. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020136> EDN: SAOZVT ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Irina Kucheroва | <https://orcid.org/0000-0002-7246-6155> | ikucheroва@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)